

18+

Алексей Михеев

ПЛЮШКИ
МОСКОВСКИЕ

Жизнь из окон моих глаз

Алексей Михеев
Плюшки Московские.
Жизнь из окон моих глаз

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38612540
ISBN 9785449356031*

Аннотация

Эту книгу ждали с 2009 года. Речь в ней идет об авторе и о тех, кто встретился ему на жизненном пути. Жесткая и неприкрытая картина рубежа исторических эпох. Критика и апология. Успех и разбитые иллюзии. Любовь и ненависть. Порок и добродетель. Шокирующие сцены драк с пьяным отцом... Многое случилось за двадцать семь лет (с года смерти Брежнева по 2009 – время создания «Плюшек») как в стране, так и в личном мире Алексея Михеева: ему есть о чем вам рассказать в этой новой, улучшенной версии книги. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора	5
Глава 1. Интернесный вирус	6
Глава 2. Виктор Сорокин	17
Глава 3. Опавшие листья Прозы	37
СХЕМА 1	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Плюшки Московские Жизнь из окон моих глаз

Алексей Михеев

© Алексей Михеев, 2020

ISBN 978-5-4493-5603-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Изначальным подзаголовком было: «Таким голым меня еще не видели». В книге я поведал об очень многом из того, о чем обычно принято молчать. До сих пор вздрагиваю, перечитывая написанное, и хватаюсь за голову, мысленно восклицая: «Зачем?!» Но из жизни слов не выкинешь. Возможно, моя откровенность кому-то не только не покажется излишней, но даже будет понята и востребована. Почти вся книга написана в 2009-ом, что следует учитывать, когда в тексте указывается время повествования как настоящее.

Глава 1. Интернесный вирус

Это было почти пять лет назад. В моей душе к тому времени четко оформилось понятие того, чем я желаю заниматься по жизни, куда хочу приложить свой потенциал. Я был готов тогда и готов сейчас испытывать свои силы, чтобы узнать опытным путем, на что же я окажусь способен в конечном итоге. Я целеустремленно и всецело занят и по сей день избранным видом деятельности, и не собираюсь менять его несмотря на толкающий к обратному внешний мир. На самом деле, именно противодействие всех и вся стимулирует на упорный труд больше всего. За последние три с лишним года я уже вырвал некоторое сетевое признание в борьбе до первых, столь ранних седин. Но тогда, в сентябре 2004-го, я был наедине со своей мечтой. За эти пять лет ситуация, однако, не сильно изменилась. В то время как коллеги трудятся в поте лица, бомбардируя издательства и редакции письмами, и обзаводятся – кто в большей, кто в меньшей степени – публикациями в печати, ваш покорный слуга в основном публикуется в Сети. Более того, внешне всё даже хуже, потому что есть публикации, оплаченные из моего собственного кармана (зато безупречно оформленные!) – всё как у профессионального графомана (сие заезженное словцо на литсайтах давно уже перешло в разряд соединительных частей речи). Так что же я еще трепыхаюсь? Тем более что

вчера, точнее, два дня назад я подхватил интересный вирус. Не самолично, к счастью – компьютер мой.

На экране возникла табличка: «ОС заблокирована. Для разблокировки пришлите такое-то сообщение на номер херв-рот, так сказать. Попытка переустановить систему может привести к потере данных и потере работоспособности компьютера» (что впоследствии и подтвердилось). Не ручаюсь за дословное цитирование хакерского обращения, тем не менее, я потерял целый день, хард и рассказ – последний в результате того, что то ли по глупости отформатировал вставленную в USB-порт системника флешку, то ли червь сожрал и его тоже – темная история. Если верно предположение о кольчатой твари, то данный вирус явился посланником Провидения (как-нибудь иначе трактовать его я не в силах), и убивать его антивирусом было бы непростительно. Вместо этого хорошо б отдать его в кунсткамеру зоопарка для судьбоносных вирусов. Ситуация в целом абсолютно аналогична ситуации где-то 2001-го года, когда мой друг Валя, которому я дал для публикации в Сети написанный от руки аккуратным почерком фантастический рассказ «Лупоглазый» с моими иллюстрациями, потерял его. Экземпляр был один, и хоть осталось несколько набросков, но это уже не то. Интернета у меня тогда не было, хотя первый компьютер появился еще в первом классе – не то в 89-ом, не то в 90-ом году на деньги, полученные предками по страховке – в руле карусели на «продленке» я сломал руку.

Алешина с параллельного потока позже уверяла, что, когда я орал, думала, будто я смеюсь, и не заметила руку, с хрустом совершавшую обороты по inferнальной спирали. Алешина вращала чертову карусель (это была не такая карусель, как на ВДНХ – моя камера пыток представляла собой круглую площадку полутораметрового диаметра с рулем в центре, вращавшуюся в горизонтальной плоскости; «штурвал» руля был отломан, но от него оставалась «ножка»), а моя рука наматывалась на руль. Воскресим в памяти навеки застывшие мысли, посетившие меня в трагический момент, когда левая лапа ломалась в двух местах, в одном из них – со смещением (ощущения воскрешать не стоит). Как ни парадоксально, но я очень отстраненно наблюдал за происшедшим со мной и орал чисто автоматически. Я, как мне тогда казалось, здраво прикидывал шансы сохранить руку и оценивал свои перспективы следующим образом: приедет бригада с пилами и ломами, чтобы выдирать меня из моих невольных, но в чем-то даже пророческих объятий с металлом. Шансы сохранить руку в моих глазах были призрачными. Сейчас (да, именно сейчас, когда я пишу эти строчки) мне кажется, что такая отстраненность и безразличие к собственным страданиям и частям тела подготавливали почву к грядущему виду деятельности. Из-за того, что духовное начало внутри меня всегда превалировало над физическим и даже тиранило его (будь то обмен львиной доли своего обеда – баранок, конфет и т. д. – на вкладыши на той же

«продленке», покупка в ущерб питанию дисков и книг позднее или нездоровая доминанта константной любви вопреки визгу секса еще позднее), я вешу меньше семидесяти килограммов. Впрочем, в третьем классе я отдавал обеды Лехе Штареву безвозмездно, ничего не требуя взамен – просто не хотелось есть. Тоже странная моя особенность: когда мне очень хорошо или интересно (будь то общение с действительно нравящейся дамой или уход в грезы в порыве вдохновения), могу спокойно не есть – не пить часов семь и больше, при этом даже не замечая, что чего-то не хватает... С рукой, спиралью закрученной в центре карусели, мне интереснее было думать абстрактно, чем страдать от конкретики боли. Так и всю жизнь. Только рука в карусели спустя двадцать лет переросла в простой символ неудач, упорно преследующих на попрание литературы, любви и шире – жизни в целом. По Стругацким, жизнь дает человеку три радости: друга, любовь и работу. Мой единственный друг – Илья Канапин, но о нем я ничего не знаю уже лет пятнадцать-двадцать; моя любовь всегда была несчастлива; моя работа... Пару лет назад я стоял у палатки, и мне не хватало мелочи на пирожок. Я дал себе слово никогда не забыть этот день. И не простить его Бытию. Так я тогда зарабатывал. Было определенное количество купюр, просчитанных и необходимых для, кажется, проездного. Их я трогать не мог – месяц без проездного был бы губителен: в начале месяца они уже, бывает, не продаются. Но что мне импонирует в себе, так это способ-

ность не отчаиваться. Я буду продолжать прилагать все усилия, чтобы что-то изменить в своих неудачах... Посмотрим.

Помимо названных личностных особенностей, близкие и неблизкие знают меня как человека незаурядного, противоречивого (даже внешность моя и мой голос вызывают полный спектр чувств от ярого обожания до неприкрытого отвращения), но при этом очень ответственного. Расскажу, как это проявилось еще после первого учебного дня в школе.

Тридцатого августа 1989-го года мать и отец торжественно объявили мне, что я перехожу на новый этап своей жизни (как мне часто казалось впоследствии, лучше было бы его и не оставлять дальше института МГОПУ, но в конце восьмидесятых я, разумеется, не знал деталей – обходного листка с кратким перечнем грядущих побед и поражений, с указанием соотношения ингредиентов грядущей жизни Бытие не предоставляет), и теперь у меня не только будет много дел, связанных с учебой, но должны появиться в определенном количестве и товарищи. Как мне сказали, я могу, разумеется, приводить их изредка домой, только не стоит злоупотреблять этим правом. Если не ошибаюсь, при этом родителями была сделана ремарка относительно, в первую очередь, друзей-девочек. Ужасно, до какой степени они оказались правы именно в этом самом смысле, поскольку я действительно всегда очень мало их приводил и даже сейчас мало кого могу пригласить к себе из дам. И об отце и о матери я расскажу отдельно в ходе дальнейшего повествования,

в том числе и о том, как они встречали моих друзей в разные периоды моей пока относительно недолгой жизни. Первое сентября увековечено на фотографии со мной (до второго класса я носил очки – правый глаз косил), Конышевым Кириллом (знаковым для моей жизни персонажем), и еще каким-то парнем. Помню очень вкусный глазированный сырок в столовой – всё как я видел незадолго до этого в фильме про школу. Про такой сырок через девять лет Захар скажет, что это – «рэпперский кал», чем вызовет у меня приступ хохота. В результате почти весь чай из стакана, пахнувшего, как было обычно для столовых тех времен, чем-то вроде мочевины, забрызгает стол, а остаток зальет мне нос изнутри. Впрочем Захар стóбит отдельной длинной «композиции» с навороченными «соляками» и постоянной сменой ритма, а на барабанах пусть постучит сам, как всегда и хотел – посредством нетленных перлов, сохраненных на пораженный вирусом жизни хард-диск моего мозга. Помню очень ярко, что в первый же день учебы нам задали домашнее задание (потом, в течение еще пятнадцати лет, «домашек» было очень много... Но вот каким было первое из них? кажется, выяснить что-то о каких-то определенных животных – точнее не скажу).

На задание я забил, а может, и просто забыл о нем. По-моему, всё же забыл. И не вспоминал до того момента, как лег и приготовился ко сну. Тут-то я и ужаснулся! Я долго ворочался, строя предположения о том, как завтра стану помешанцем для всего класса. Думал что-то исправить, но понимал, что уже поздно, и страдал больше всего оттого, что сразу проявил себя столь безответственным учеником.

Наутро выяснилось, что домашнее задание не сделал абсолютно никто, но у меня сильные сомнения относительно того, думал ли тогда о «домашке» хоть кто-то кроме меня. После этого я почти всегда старался приготовить заданное. Похожий случай имел место уже в вузе – после первых же двух экзаменов первой зимней сессии, сданных на «три», я за все экзаменационные сессии последующих пяти лет получил лишь одну «тройку» – по возрастной психологии.

Вернемся вновь к погибшей рукописи фэнтезийного рассказа. В то время мне жаль было и текста, и моих рисунков. Несколько позже я записал в дневнике, который веду время от времени с 98-го года, мысль о том, что «Лупоглазый» сгорел на алтаре моего грядущего творчества. Так я считаю и сейчас. Придуманый там мир стал частью моей жизни, и он уже никуда оттуда не денется до нисхождения и его и меня во мрак Аидов. Сам факт «сгорания» я принял так, как считал единственно правильным – аки принимает оный дьявольская пташка металлический Феникс. Нет больше этого конкретно рассказа? Полно, так ли он был хорош? Нет, не был! Не был, несмотря на вложенную в него часть души и всегда симпатичную ауру раннего литературного творчества небездарных авторов. Я принял всю ситуацию с ним, как некий знак свыше (или снизу, или изнутри – подобные мелочи никогда не занимали вашего покорного слугу с тех пор, как он прочел Евангелие в 11-ом классе, возвращаясь из школы и читая стоя из уважения к про-

изведению, и в результате разочаровался в истории Христа; потом была эпопея с язычеством, но это отдельная песня). Потерянный текст послужил внешним импульсом, подтолкнувшим к анализу своего «хорошего», мне казалось, уровня (памятуя, что хорошее – это враг лучшего). Я тогда сделал определенные выводы. С тех пор мне никогда не хотелось писать «хорошие» произведения.

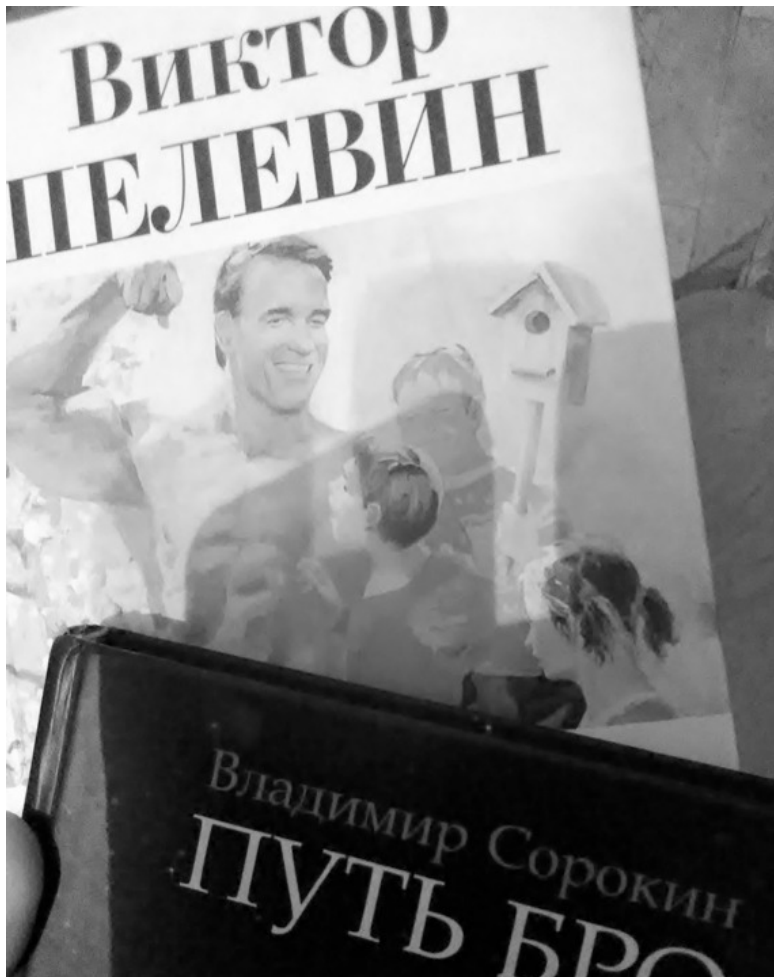
И вот два дня назад ситуация повторяется до смешного точно, только «сгорает» уже немного «бальная» (для баллов, даже нет – для денег через особый сайт, что хуже) вещичка «Парк Атракционов». Можно было бы прийти в свой СЦ и попросить всё восстановить (может быть, получив скидочку как сотрудник), но это не наш – курьерский – метод... Не жаль мне ничуть этой пелевинско-михеевской мутотени на десять-пятнадцать страниц, способной привлечь десяток положительных («хороших») отзывов и в лучшем случае на данном этапе три сотни рублей, да и стимул теперь есть подумать и что-то поменять в своем творчестве. А менять пора. Как менять – мне подсказал Эдуард Лимонов, каким бы ни являлось противоречивым мое, да и не только мое к нему отношение. Сегодня, кстати, приобрел «труп дерева», говоря в терминах Дмитрия Кравчука (о нем тоже стоит пропеть отдельно), как раз с вещью Вениаминовича – это была «Книга Мертвых». До этого я прочел примерно половину ее в скачанном виде, теперь дочитаю в трупчато-бумажном. Причем купил в «Москве» – книжном, с которым у ме-

ня связаны особые воспоминания. Пожалуй, им в том числе и будет посвящена следующая глава.

А покамест отправимся дружно на пятилетие назад. Не сказать, чтобы в четвертом году я только начинал. Уже были фэнтезийные и фантастические рассказы; «металлические» тексты – стихотворные произведения; почти оконченное монументальное постмодерн-полотно «Пляска смерти» («Пляску» писал ровно год, но на «прозу» она попала в сильно «урезанном» виде, что свидетельствует о том, как я тогда плохо знал жизнь, раз даже стеснялся собственного творчества, в объективной ценности которого, впрочем, был всегда уверен. Уверен до сих пор, но лишь когда не пишу с мотивацией в денежно-балловом виде) и некоторые другие плоды юношеского максимализма, часть из которых, как водится, послужила строительным материалом для более поздних вещей. И всё же я склонен рассматривать (а в дальнейшем и отмечать) эту дату – 10 октября 2004-го года – как поворотный пункт. Тогда я начал рассказ «Вторжение с Тастубартии» как повествование от первого лица. Потом разыграла скромность: переделал личное «Я» в отстраненный взгляд на героя – «Он». И вот маятник с периодом колебаний, равным пяти годам, качнулся вспять! Надолго ли?.. Время всезнающее готовит ответ, а я за героем и автором Эдички предстаю едва ли не впервые таким, каков я есть, не скрываясь за сюжетом... Яркая, безгранично энергичная личность Лимонова оказалась тому виной. Что ж, за последние пять лет

я понял, что́ считаю важным, и научился способу поведать об этом другим.

Глава 2. Виктор Сорокин

Помню, как-то, ища видео с Владимиром Георгиевичем Сорокиным на youtube.com, я наткнулся на, как мне тогда показалось, интересный материал под названием «Рецензия на роман Виктора Сорокина» (за точность названия не ручаюсь – повторно видео на сайте найти не смог, но точно, что было написано именно «Виктор Сорокин»). Почему-то сперва я не обратил внимания на другое имя, включил воспроизведение и приготовился воспринимать информацию. Мужик лет тридцати с небольшим, более всего похожий на завсегдательная алкоголик-party и менее всего на интеллектуально развитую личность, этакий рубака-паренек, рассуждал на экране монитора о романе Владимира Георгиевича «Роман». В своем монологе рецензент с завидным упорством называл почему-то писателя Виктором. Я тогда подумал, что эту досадную ошибку господина N вызвал неизбежно подсознательно всплывающий в памяти, когда речь заходит о современной русской литературе, Пелевин. А может быть – кто ж его знает? – у него были и личные причины так Сорокина именовать.

На «Ютубе» я, как и почти везде, значусь в комментариях как «Metbrother», только в «Ютубе» ник имеет вид «Metbrother22», поскольку ник без индекса уже кем-то занят. Не знаю, как придумывали себе ники омонимичные мне Метбратья, мой же – простое сокращение от «Metal Brother» под влиянием «Мановара» с намеком на игру слов («метбра-

зер» – «медбрат»). Просидев в сентябре 2005-го над созданием одноименного ЖЖ-аккаунта несколько минут, ничего лучшего не родил. Года четыре назад, зайдя на pelevin.ru, я попал на какой-либо форум впервые в сетевой части своей жизни. Однако, прочитав чье-то приветствие («Metbrother, здраов!»), я испугался и быстро слинял. «22» – магическое число, его свойства открыл мне мой родной брат. Теперь я пишу его, даже чтобы отмечать текущую строчку электронных рукописей, в том числе и этого произведения – о моих суевериях смотри соответствующую главу. Сначала я хотел оставить такой комментарий на упомянутое выше видео: «Виктор Сорокин и Владимир Пелевин?», но желание написать что-нибудь исчезло, едва я досмотрел материал до конца. Как и «Роман» Сорокина, рецензию господина N можно разбить на две не связанные между собою части (точнее, это рецензент полагает, что роман можно так рассматривать, я же считаю это попросту непозволительным). В первой господин N в меру своего более или менее куцега интеллекта расхваливает концептуалиста за такой «несорокинский» роман. Поет дифирамбы царству реализма, наследующему лучшим традициям классической русской литературы (и правда наличествующему при поверхностном взгляде на произведение) на страницах романа до, вроде, четырехста тридцать шестой – не в таких терминах, но суть та же. Во второй части «рецензии» парень переходит от слов к действиям, подражая этим жизненному пути Лимонова – злоб-

но рвет книгу: напрочь ломая стройную концепцию «Виктора» (не думаю, что я способен оценить ее во всей ее глубине, но ключ к пониманию ее части мне дает знание ветхозаветного стиля), выдирает страницы с материалом для нездоровых, на его взгляд, людей, и обязуется презентовать вырванное любому желающему, приглашая писать к нему в «личку». Господин N гордо смотрит с экрана, думая, что служит искусству. В действительности же такой подход является обывательским и вместе с тем подлинно некрофильским – в отличие от содержания книги. Смерть, потрошение трупов у Сорокина – это чистой воды игра, постмодерн. Господин N издевается над трупами деревьев, срывая и выбрасывая спелые плоды живой мысли. Думая пови*бываться и заодно опровергнуть «ненормальную» часть книги Сорокина, господин N сам является ее лучшей иллюстрацией, точнее – не самой ее, но лишь ее самоограниченной погребением во сне разума и, думаю, алкоголя трактовки. Может, нет – даже должен возникнуть вопрос: с чего это я пишу о столь незначительных людях? Прежде всего, такие лица характерны для нашей с вами замечательной эпохи. Не считая прямого отношения к заявленной в названии главы тематике, заранее не известно, что и когда окажется более значимым, а что менее, тем более – *для кого*. Плюс к этому, на подобных примерах хорошо видна зашоренность мозгов – неспособность, наверное, большинства бегущих по кругу карусели жизни адекватно воспринимать что-либо новое: лю-

ди матеруют в своем мировосприятии и ограничивают искусственными рамками имманентно бесконечные внутренние Вселенные; агрессивное в непримиримости отстаивание собственных эстетических, вообще – каких угодно позиций ставит жирную точку на пути духовного развития. Только демократия постмодерна способна как минимум вызвать сомнение в непогрешимости собственного мнения, и именно поэтому чувствующие собственную уязвимость люди являются столь активными его противниками. К их глубокому сожалению, постмодернизм так же неуязвим, как и неисчерпаем. Эта глава посвящена творчеству современных лидеров отечественного постмодернизма – Виктору Олеговичу Пелевину и Владимиру Георгиевичу Сорокину. Даже не самому творчеству, а его месту в моей жизни.

Я буду чередовать своих кумиров для придания постмодерн-антуража.

О Сорокине уже кое-что было сказано, теперь очередь нашего замечательного буддиста, каратиста и просто красавца.

Не знаю, вошел бы в мою жизнь Виктор Олегович столь плотно, занял бы в душе место где-то рядом с Оззи Осборном или «Manowar», оказал бы столь сильное влияние на мою личность и творчество, если бы не вузовская программа.

Учащимся со мной на пятом курсе было необходимо прочитать «Чапаева и пустоту». Своего текста «Пустоты» у меня и тогда не было, и теперь нет. Все остальные в бумажном

виде, кажется, имеются, кроме разве какого-нибудь «Гадание на рунах или рунический оракул Ральфа Блума», но его, я полагаю, нет почти ни у кого, а бумажная литература всё равно постепенно становится таким же архаизмом, как руны. Тут снова нельзя не вспомнить Дмитрия Кравчука – ведь я, как и он, противник использования «трупов деревьев» для печати – в том числе из-за этого вы, скорее всего, читаете всё это с экрана монитора, а вовсе не только из-за того, что мое графо никому на х*й не нужно... «Скорее всего», потому что – черт его знает: может, какое-то завалящее издательство со временем проявит желание опубликовать эти строки. Но это дело гипотетического далекого будущего, а вот про Дмитрия, раз он снова на язык попал, я поведаю то, что знаю, уже в следующей главе.

Когда мой сокурсник Владимир Ядута, тоже знаковый для моей жизни персонаж, дал мне прочесть уже оцененного им «Чапаева», он сказал:

– Вот что сейчас самое актуальное, так писать и нужно!

Не ручаюсь за дословную передачу его фразы, но ручаюсь за смысл. До сих пор я полностью эту позицию разделяю. Уже первые страницы, более всего сцена убийства фон Эрнена, поразили меня своей мощью как ничто из программы до этого – а читать тогда, поверьте мне, нужно было страниц по сто в день, чтобы справляться со списком до сессии. То есть читал я много всякого.

Пелевин – Лемми Килмистер от литературы. Достаточ-

но послушать один альбом «Motörhead», и станет ясно, что ребята играют, но другие альбомы группы слушаются с не меньшим удовольствием. Правда, у Виктора есть преимущество перед Лемми: он меняет сознание людей, делая измененное его состояние постоянным, когда на смену вау-импульсу приходит ПВО-стимул.

Сорокин для меня начался с «Голубого сала». Когда я читал его из любопытства пару лет назад (книга к тому времени давно уже была скандальной и мегапопулярной), то понял, что уровень Пелевина, возможно, и недостижим, но есть, как минимум, один человек, приблизившийся к нему максимально близко.

До того также в вузе у нас ходили по рукам распечатки частей произведений Сорокина, содержащих, согласно обвинению «Идущих вместе», порнографию. Мы все читали тогда только эти места. В «Идущих» я когда-то состоял, о чем также сохранилось немало интересных воспоминаний, но — всему свое время. Сейчас пока что у нас в гостях Сорокин Виктор... Тьфу ты!

Меньше месяца назад смотрел спектакль «Ши» по пьесе Владимира Георгиевича. Замысел писателя переносит нас в мир будущего, где подпольные шеф-повара в законе готовят экологически не чистую пищу и плодят прочие темные и неpolitкорректные свершения. На следующий, если не ошибаюсь, после театра день я по работе поехал на «Чертановскую» — на этой станции метрополитена жил (а может,

и живет до сих пор) Виктор Олегович Пелевин, и там же в переходе я покупал в свое время «Сахарный Кремль» Владимира Сорокина. В этот раз мне надо было зайти в ресторан «Ши» и разыскать там шеф-повара. Это я к тому, что меня всё время преследуют совпадения; ими, как маяками, усеян мой путь. Жаль, указателей нет, да и темнота всё равно жутковатая... Бабушка моя когда-то тоже, кстати, шеф-поваром была.

Я уже упоминал о купленной в «Москве» «Книге мертвых», но в тот же день и в том же магазине я купил вместе с Лимоновым единственную, кроме, пожалуй, «Трилогии» и «Очереди» (читал их с моника) книгу Сорокина, которой не было в моей домашней маленькой постмодерн-библиотеке. Называлась она, как это ни удивительно, тоже «Москва». И уже в этой, последней «Москве» (кто смотрел или читал, тот знает) тоже обыгрывается слово «Москва»!

Сейчас я, как и обещал в прошлой главе, остановлюсь подробнее на этом книжном магазине, расположенном на главной улице страны. Если в конце 90-ых я покупал там Брюса Ли, в начале 2000-ых – книги по славяно-горицкой борьбе М. Шатунова (сейчас автор иначе именуется стиль, которым занимается), то сейчас покупаю тут почти исключительно постмодерн. Самая ценная книга, купленная мной когда-либо, была приобретена в «Москве» – это «П5» Пелевина с его автографом. 5 октября 2008-го года после полуночи началась продажа этого сборника. Первые пятьдесят покупателей

получили экземпляр, подписанный кумиром. Надпись «В. Пелевин» автографа опоясывает треугольник с глазом, о котором автор пишет, кажется, в «Generation „П“». И вечер 4-го, и первые часы 5-го октября достойны увековечивания.

4-го я не сразу поехал в книжный, а сперва посетил мероприятие под кодовым названием «Biopsyhoz» в «Городе» на «Курской» – главным образом и почти единственно по причине участия в концерте кировской группы «Хе-NONE». Планировал оставаться там, пока будет интересно, или пока не станет пора уезжать за автографом. Перед началом концерта, уже после того, как стали пускать в клуб, я встретил вокалиста «Хе-NONE» Lexy Dance, что-то у него спросил, а он мне что-то дружелюбно ответил. То есть никакой «звездочки» нет и в помине. Я тоже хочу таким быть... Когда-нибудь. Диско-метал от «Ксенона» начинал, являясь первым номером, шоу, но во время саундчека народ еще не пускали в зал клуба. Один парень не понял этой тонкости и стал ломиться, за что чуть не получил п*зды от охраны. Другой парень тусовочного вида с большой цепью на брюках обладал на редкость большими бицепсами и трицепсами (в три моих), что невольно наводило на мысль о шприцах и Ибицах. Среди аудитории также я мельком видел пару знакомых по «Релаксу» лиц – например, Снаффа из «Plague Project». Все выступления мне нравились, особенно «Хе-NONE». В душе я ликовал, потому что отличная вечеринка для меня должна была плавно перетечь в новую книгу Вик-

тора Олеговича с его автографом. Где-то в начале одиннадцатого я решил покинуть «Город», не дождавшись одних лишь «Шмелей» из того, что точно было бы интересно услышать. «Шмелей» я, тем не менее, увидел и услышал через пару месяцев, и даже бесплатно – они выступали с «Деформом» и «Идоллом», в «Идоле» мой брат – басист.

Охранник, слегка меня напугав, объявил, что выходить из клуба нельзя. «Как это так – „нельзя“?..» – возмущался я. Мы с ним обменялись злобными взглядами и репликами. Мне сразу вспомнилось 12 июня 2008-го года, когда я немного перепил в компании с Сандрой Лекс и ее друзьями, после чего ко мне в метро подошли два мента и стали долго докапываться, точно ли я «всего лишь» пьян и нет ли при мне каких-нибудь завалящих наркотиков. После небольшого обыска они оставили подозрительного для них (на себя бы лучше посмотрели...) неформала в покое, а до того я рявкал на них: «Что, русский человек уже не имеет права напиться в день России?!» Наверное, то были провинциалы, раз каждого неформала априори держат еще и за наркомана (хорошо еще, что не гея) ... Итак, охранник клуба наконец, слава Богу, догнал, что я выхожу совсем, а не просто тупо бухнуть у палатки, и мы чуть посмеялись над улаженным недоразумением. Это было облегчение: перспектива остаться без автографа Пелевина никого в мире не напугает так сильно, как Михеева Алексея Сергеевича...

Но вот минут за сорок до часа «П5» я стою в «Москве»

и узнаю у персонала, где тут дают причаститься великой литературы. Оказалось, нужно вписать свои имя и фамилию в пронумерованный разграфленный список. Я пришел как раз вовремя, чтобы оказаться пятидесятым из пятидесяти человек в «списке Пелевина»... Случайность, или рок? Сразу за мной пришли еще люди и тоже на всякий случай записались, как выяснилось впоследствии – не зря, потому что трое из списка не пришли. Тем не менее, вопреки инет-прессе, без автографов осталось чуть ли не большее количество людей. Самые хитрые приезжали заранее (по их словам, они с шести вечера там проторчали). Были даже люди из других городов.

Присев, пока было время, на диванчик, я листал взятый со стенда «Омон Ра» Олеговича, книгу про семейку Озборнов, а также самоучитель игры на гитаре. Люди вокруг обсуждали творчество нашего постмодерниста номер один, причем одна дама заявила, что все его книги кроме одной читала много раз, но экземпляр новинки с автографом ей нужен не для себя. Я тогда не знал, что это была ЖЖ-юзер voneta. Она – певица, музыкант, поэтесса (автор строк «Однажды придет ко мне слава, /Какой бы она ни была, /И те, кого я целовала, /Соврут, что я с ними спала...») и прочее. Скинуть, что ли, и ей ссылку на главу? Можно.

Мы немного пообщались, и пока возжеленные автографы переходили в жадные руки, у нас с ней взяли интервью (не у одних нас; кто брал, не помню) ... увы, лишь как у фа-

натов Пелевина. При этом она пространно поведала о том, какой она музыкант, я же не упустил случая пропиарить себя как писателя. На «Ютубе» есть порезанные отголоски всего этого, случайно заснятые на другую камеру, где от Вонемы нет ничего, а от меня есть голос, предполагающий, что берущие интервью еще придут на автограф-сессию и к Алексею Михееву, последователю Пелевина.

После некоторых моих слов, как то: сравнение ее внешности с тем, как, по моим представлениям, должна выглядеть лиса-оборотень А Хули из пелевинского романа «Священная книга оборотня»; выражение озабоченности по поводу дыры в ее, кажется, майке на спине... Было еще что-то, чего уже не вспомнить, что я, сам того не замечая, почти кричал, так как был наполовину оглохшим после концерта; а чтобы расслышать собеседницу, мне приходилось наклоняться ближе, за что я получал от нее замечания... так вот, после всего этого Вонема без тени смущения поинтересовалась:

– Молодой человек, можно вам задать один вопрос?

Я сразу почуял подвох уже в самом «вопросе о вопросе», но дал добро.

– Почему вы всё время глупости говорите?

Во как! Не больше и не меньше. Я взял едва не пятиминутный таймаут и с трудом нашел ответ:

– Вы спросили, почему я всё время глупости говорю... Я люблю постоянство!

Друзьями мы потом так и не стали, даже в ЖЖ. Она была 48-ым номером в очереди, но из-за неявки троих стала 45-ым. Аналогичная метаморфоза со мной снизила пафос: с 50-го я перешел на 47-ое место.

Когда мы стояли в очереди, мне, естественно, вспомнилось произведение Сорокина, которое было, как говорится, «в тему». У нее в ЖЖ некто isolder потом удачно приколотся: «В. Пелевин „Очередь“»... Всё же, говорю я, эти авторы неотделимы, как две части одного «Романа».

По дороге домой встретил Бивня и Сыпра, завершив исторический для меня день прозаическим глотком пива.

Один рассказ Владимира Георгиевича мы с Сандрой Лекс, подругой с Прозы, записали как аудиокнигу. На форуме сайта srkn.ru я оставлял ссылку на трек, который размещен на realmusic.ru. До того, как оставить ссылку, я поинтересовался у мэтра, не против ли он использования его текста для создания аудио. По ряду признаков убедился, что ответил мне сам Владимир Георгиевич; на форуме он обозначил себя ником Писатель. В частности, он уверил, что абсолютно не против любительских аудиоверсий своих рассказов: он слышал сделанные кем-то, и они ему понравились. Стал ли он слушать, в конце концов, наше творение, я не знаю.

Пелевина не только никогда в жизни не видел, но даже нигде с ним не общался – врать не буду. Зато одна моя бывшая знакомая довольно долго с ним поговорила (насколько это возможно за одну встречу). Как же ее звали? Настень-

ка, вроде так. С пьяной Настей еще более пьяный Михеев познакомился, естественно, в «Релаксе». Был у меня такой период (с 2004-го по 2008-ой; примерно в тот же отрезок времени, ближе к пятому году, я начал отращивать волосы, без лишнего веса которых сам себя уже и не представляю). В тот период мой брат (ныне бас-гитара у ЛеРы) Саша «Лысый» (прозвали в шутку, так как некогда он был единственным из парней на всё Коптево, кто носил длинные волосы) лабал в группе «Отражение», а где-то с весны 2005-го – в «Лире». Как правило, по субботним ночам я приходил бесплатно на эти party – поддержать брата, послушать музлю (выступления групп плавно перетекали в метал- и готик-дискотеку, но иногда кто-нибудь играл на сцене уже под утро), побухать и познакомиться с девушками. Количество знакомств было астрономическим, но при этом все они без исключения оставались платоническими или в лучшем случае на уровне поцелуев в разные места. Последний вариант, впрочем, тоже имел место лишь в паре-тройке случаев и считался мной заметным достижением. Брат, сволочь, трахал всех подряд в примерке или вез к нам домой и не парился. Было слегка завидно и немного обидно. В «Релаксе» не везло из-за того, что, кроме моей внешности, девушки мало что могли оценить по достоинству. Причиной тому служила моя на тот момент бедность честного пролетарского филолога. Внешность также заставляла ждать лучших времен: хаер мой был еще коротким. Плюс всё усугублял тот факт, что хозяин

волос каждый раз оказывался чересчур скромным. То ли дело дамы, с которыми знакомился по Интернету и особенно на Прозе.ру! Но я опять забегаю вперед.

С Настей мы пьяно танцевали; особенно весело было крутиться, взявшись за руки, полностью их выпрямив и смотря прямо в глаза друг другу. Потом целовались. Про танцы в своей жизни я не могу не сказать отдельно. В «Релаксе» приглашение дамы на танец рассматривалось мной как прекрасный способ знакомства, когда на часах уже три или четыре ночи, и под «химовскую» тягомотину про «Join Me In Death» танец через объятия перетекал в поцелуи, за которыми следовал иногда вопрос: «А как тебя зовут?» Впрочем вопрос этот не был обязательным.

Танец с уже знакомой девушкой – совсем другое дело. Многое тут зависит от взаимной симпатии с позиции отношения полов, но в любом случае это всегда возможность уединиться и спокойно побеседовать. Вот помню случай, как танцевали с Ниной-рок-н-ролл под слабую балладу какой-то группы (какой – хоть убей, не вспомню), игравшей «в живую». Я параллельно прочитал подруге свой последний стих, закончив чтение одновременно с последними аккордами выступавших. Когда мы прервали танец, Нина стала аплодировать, а потом сказала, что хлопает исключительно мне.

Куда большее, поистине магическое значение имел для меня танец в период, когда я отдыхал в летних пионерских лагерях – конец восьмидесятых и самое начало девяностых.

В последовавшие годы я тоже отдыхал летом, но лагеря тогда уже не были пионерскими.

В ранние годы объятия в танце были единственным способом пообщаться с женским телом. С пареньком одиннадцати лет в лагере «Чайка» соглашались танцевать отнюдь не красавицы; это напрягало, но не очень. И если во время кружения на дискотеке, уже не вспомнить кто, подкрадывался сзади и, хихикая, толкал меня на партнершу, я бежал за ним лишь для показухи и престижа. Мой член стоял, чувствуя женскую плоть сквозь одежду, как должно.

Саня, брат, отдыхал там же, но так как он двумя годами младше, то и партнерши для танца у него бывали моложе, причем обычно оказывались еще и красивее моих. К одной из них его как-то приревновали два моих ровесника, и пришли в нашу комнату пй*дить. Не найдя его, оба кинулись на меня. Я с достоинством сдерживал их натиск до прихода вожатой... Когда та спросила, что здесь происходит, я с ухмылкой от смущения пояснил:

– Ревнуют...

Вообще, лето 93-го года было щедрым на драки, удачно заканчивавшиеся для меня.

Снова я отвлекся, я же про Анастасию вам рассказываю!

Под утро мы с ней из клуба пошли к «Пролетарке». Сам клуб находится в том же здании, что и печально известный Театральный центр, где шел мюзикл «Норд-Ост»; в отличие от Эдуарда Лимонова (его я недавно добавил в друзья

в «Контакте» – не знаю, подлинного ли...), я не склонен вешать вину за ту операцию на Путина. Как и Эдуард, я написал в тот страшный год текст «по горячим следам» («Кто в ответе за „Норд-Ост“»): «Кто в ответе за „Норд-Ост“? /Дядя Путин, или тот, /Кто заложников берет?..»

Итак, шли мы, обменивались мобильниками, выясняли взаимную любовь к фантастике (фактом ее симпатии к Вячеславу Рыбакову я был поражен, ибо сам узнал об авторе незадолго до того совершенно случайно, но уже успел полюбить) и договаривались о будущем совместном походе в «Третьяковку».

В Третьяковской галерее она выступила в роли моего экскурсовода, так как училась в «художке» и могла поведать много интересного и познавательного о живописи.

В числе прочего я узнал интересные детали и ее жизни. Будучи родом откуда-то из провинции, она успела много где побывать и насмотреться на мир; одно время ей даже приходилось бомжевать на вокзале. На момент нашего знакомства училась и преподавала как репетитор ребенку богатых родителей. В той местности, откуда она уехала изначально, подростки и более взрослые не знали, куда себя приложить, кроме бухла и драк. Когда война началась, там все мужики только рады были и добровольно в Чечню уезжали.

Поведала она и поучительную, весьма печальную историю об африканской принцессе. В общежитии их института жила учившаяся с ними принцесса. Всё бы ничего, но по неосто-

рожности и плохому знанию местных порядков и обычаев она покидала общагу в темное время суток. Убив ее, маньяк или маньяки измельчили труп до такой степени, что он влез в коробку, которую подбросили администрации вуза.

Декан позже пугала девушек:

– Я одну коробку уже отправила родителям!

Хоть и страшно, но Настя с подругами еле сдерживали смех.

После «Третьяковки» проводил ее до общежития, где-то на Севере за МКАДом. Позже предлагал встречаться. В конце концов получил от нее SMS с признанием: «Извини, но я люблю другого».

А теперь перехожу к сути того, из-за чего завел о ней речь. Как позже Лиза, хорошая подруга теперь и некогда моя любовь, встретит Лимонова, и тот скажет ей «Здравствуй-те!» (почему не мне?!), так Настя случайно познакомилась с Пелевиным.

В каком именно городе, по ее словам, это было, я не помню. Помню лишь, что не столица и не Пальмира.

Двое нестарых мужчин выясняли у нее дорогу. Они разговаривались. Один собеседник по большей части молчал, зато второй заливался соловьем. Неожиданно он, будто спохватившись, замолчал, потом спросил собеседницу:

– А вы знаете, кто это такой идет с нами рядом?

– Кто? – после небольшой паузы молвила Настенька.

– Да так, Виктор Пелевин, не хрен с горы!

Настя долго не верила, тем более что фото писателя раньше не видела. Но ход беседы ее убедил, и уже она засыпала писателя вопросами о его жизни и творчестве:

– Правда, что вы используете наркотики для вдохновения, когда сочиняете ваши вещи?

– Я?! – Виктор всем видом показал оскорбленное достоинство невинности... – Никогда!

Звучало это, как «я такой мастер и без лишнего стимула». Потом, конечно, он признался, что употреблял всякое в жизни.

Уже в Москве подруга Насти как-то дала ей почитать журнал со словами:

– На, погляди – про твоего тут...

На большой фотографии было запечатлено знакомое уже лицо, и последние сомнения мигом отпали.

Последний раз я видел Настю мельком на презентации очередной книги Марии Семеновой. Точнее сказать, это мы с Евой-Лоттой (писательницей с Прозы.ру и поклонницей Семеновой, положившей один поэтический фрагмент из «Волкодава» на музыку) приезжали на презентацию, а что там делала выходявшая еще до начала мероприятия из павильона Настя, я, видимо, уже никогда не узнаю. О встрече Марии с читателями я узнал лишь за день до события, там же на ВВЦ, и об этом предшествовавшем дне я расскажу подробнее в следующей главе.

Собравшиеся фанаты после речи Марии Васильевны и ее

ответов на вопросы как зомби тупо просили поставить автограф, и лишь я один отличился. Мария, как я и попросил, следующим образом отметилась на титульном листе «Волкодава» и в моей судьбе:

«Начинающему автору – Алексею Михееву с самыми добрыми пожеланиями!

М. Семёнова

18.03.07».

Глава 3. Опавшие листья Прозы

О Прозе.ру я узнал от Нади «DAFinn/ex-supergoth» Манаевой, знакомой по рок-клубу «Релакс» (кстати, недавно перестроенному). Зная о моей страсти к литературному творчеству, она посоветовала мне зайти на www.proza.ru и почитать там ее сокурсницу Марию, которая публикуется на разных сайтах под никами «Мелисса» и «Фиона Вэйн». Некоторое время я выступал на Прозе исключительно в роли «неизвестного читателя», причем «неизвестного читателя» одного автора – Фионы Вэйн с ее «вампирическим» фэнтези (довольно-таки качественным). Зайдя на сайт в первый раз (до 2007-го года у меня не было «выделенки» от «Корбины», и поэтому приходилось пользоваться расточительными «роловскими» карточками, в чем были и свои плюсы: не нужно было сутками торчать перед монитором) и увидев, что у Фионы более восьмисот читателей, я испытал шок и выпал в осадок от зависти. Это было в марте 2006-го, где-то за неделю до моей днюхи. Родился я, к слову, 24-го марта 82-го года. Начитавшись Фионы Вэйн и не зная ее лично (редкость: интересный мне автор с Прозы и притом москвич, не знакомый мне в реальной жизни сейчас), а также начитавшись про интеллектуальное времяпрепровождение Стругацких с Ариадной Громовой и прочими писателями их времени, я захотел пригласить девушку-автора на свой день рождения. На тот

момент Фиона была единственным человеком, занимавшимся литературным творчеством, с кем я мог наладить хоть какой-то контакт. Этому, увы, не суждено было сбыться – я постеснялся ее пригласить. Впоследствии на материале Машиных творений я написал шутовское «Подражание Фионе Вэйн», которым, кажется, все остались довольны.

Прошла пара месяцев, и я, собравшись наконец с духом, разобравшись с интерфейсом и узнав о том, что каждому произведению присваивается на сайте свидетельство о публикации, решил продвигать свое творчество в массы. Разместив «Выход ненависти» и «Скачок в 12 лет» (06.05.06), затем «Сектант и Пети» и «О моем грядущем читателе» (07.05.06), я, как и все начинающие авторы портала, стал ожидать потока рецензий, который должен был хлынуть, как мне тогда казалось, в первый же день. Естественно, я не получил ничего, как и большинство. И тогда я справедливо решил, что стоит начать писать рецензии самому.

Самый первый отзыв я, правда, написал сразу же – впечатления от «Мая» Лисы А. Датированная шестым июня, рецензия получилась задним числом, о чем я тогда и не думал вовсе. Перед тем, как опубликовать свой комментарий, я осознал в душе всё значение момента, ведь уже тогда я предвидел долгие годы сетевого писательства, ознаменованные мириадами рецензий – как написанных, так и полученных. Проникшись торжественностью, я преодолел оторопь и дрожь в ладонях перед лицом Вечности, и начал:

«„Я смахну с лица рукой огорчения слезу,

Буду ждать свою счастливую весну...“, – некогда пел господин Клинских, который ее (весну) уже, к сожалению, не дожидется... А вот у нас, хочется верить, всё еще впереди!»

«Спасибо, Алексей)))» – ответила та, чей ник из списка рекомендованных, по-моему, у той же Фионы привлек меня своей «пелевинистичностью».

Мне же никаких рецензий так и не пришло, и тогда я опубликовал «Пляску смерти», чувствуя, что ее-то точно молчанием обойти будет сложновато.

Десятого июня на этот текст мне пришло от Евгения Усовича такое:

«Вот это именно то, что я называю самолюбованием. Когда с таким восторгом смотришь на себя – „гениального“ в зеркало рукописи, то о каком смысле может идти речь?»

Ответ Михеева:

«Во многом вы правы, т.к. вещь писалась давно, и тогда ошибочно казалось, что создается действительно что-то новое. Но всё-таки смысл там тоже есть...

Кстати сказать, я «П.С.» потому и опубликовал, что показалось, хоть она-то должна вызвать какую-нибудь читательскую реакцию...»

Ожидая новых рецензий, я, кажется, читал намного больше тогда, чем писал. Больше всего меня на начальном этапе привлекло сумасшедшее антихристианское постмодернистское балагурство В. Бердяева (не знаю, чей-то клон ли это,

или оригинальная страничка).

Двадцать второго июня я написал ему рецензию на «Книжный бунт. Глава 1». Вот она:

«Бросается в глаза очевидное влияние творчества Виктора Олеговича Пелевина. Постмодернизм чистой воды, будто по учебнику...

«Говоряще-генитальные» имена и фамилии («Дик», «Кокер», «Хулио», включая и логин автора («*derfallos*» – А.М.)), да и вообще весь юмор произведения вызывают безудержный приступ смеха, но дальше смеха дело пока, к сожалению, не заходит.

Представленный в произведении эпатаж неаргументированной критики христианства способен, я полагаю, отпугнуть от автора и довольно либерально настроенного читателя, хотя, с другой стороны, меня не отпугнул.

Жду продолжения!»

Виталий сказал: «Спасибо, Алексей.

Всё верно, вы меня раскусили.

Продолжение обязательно следует.

Дальше, больше...»

В московской кастрюле под зноем летних рабочих будней (не каждый год беру отпуск) мне было интереснее думать о Прозе.ру, чем о чем-либо, связанном с работой. Показательно стихотворение из моего ЖЖ того периода:

«Сегодня позже выхожу...

Вскочив с кровати поутру,

Я в «Избранное» захожу
И выбираю „Проза.ру».
Я поражаюсь круглой цифре.
Мысли кружатся, словно в вихре!
Сто человек меня прочли,
Мечтал я хоть о десяти!
Порой и правда нелегко
Знать, как признание далеко,
Но верный Знак неоценим:
Живу без грусти днем одним!»
(21 июня)

На работе я гадал, какая судьба ждет всех нас – авторов, какого уровня – писательского или же уровня известности – кто из нас достигнет со временем (тогда я был готов видеть себя в будущем только номером 1 – не меньше: писателем, который придет на смену постаревшим и исписавшимся Пелевиным и Лукьяненко); мечтал о тусах авторов в реальном мире. Виталия Бердяева мне хотелось встретить в Москве и сходить с ним в «Релакс»: познакомиться там с готками, выпить вместе...

Следующим откровением на Прозе для меня оказалось творчество Яго Яго (как выяснилось впоследствии, очередной эманации нашего замечательного неутомимого Сергея Неупокоева). Цитирую свой пост «Чтиво» от 25-го июня из ЖЖ:

«Только <что> оторвался от чтения произведений Яго Яго

на „Прозе.ру». Пока все не прочитал, не отходил от компьютера. Сначала не понял, <почему> это многие его так ругают, но в одной из рецензий нашел ответ: за грубой формой читатели просто не хотят видеть содержание. Но мне очень понравилось: человек, бесспорно, талантливый».

И Виталий Бердяев, и Яго Яго (от зависти к последнему я написал «Как отпиариться на „Прозе“») быстро стали пассивны в творческом плане, а мне, впечатленному по самое не балуйся Виктором Пелевиным и Венедиктом Ерофеевым, как воздух был нужен современный русский постмодерн в любой из его форм.

Я нашел его в лице Игоря Руры, известного части моих читателей как Сергей Павловский. С талантливым автором из Ухты у меня завязалась дружба, которая длится и по сей день.

Теперь постараюсь вспомнить, в какой последовательности и кого за прошедшие три с половиной года из авторов Прозы я знал или знаю лично.

Первой была Ева-Лотта – девушка, чья рецензия на «Выход ненависти» навсегда впечатана в мое сердце:

«Я в восхищении!

Просто здорово! Снимаю воображаемую шляпу и подбрасываю ее в воздух».

С Евой (Юлей) я гулял по ВВЦ сначала просто так, а потом, как ни удивительно это сейчас, уже не просто, о чем, собственно, и поведал в предыдущей главе.

Далее была Алина, на Прозе.ру она «Алитта». Кое-кто из вас почти наверняка слышал ее милый голос в новостях на «Эхе Москвы» или в других программах на том же радио. Одна из самых прекрасных и гармонически развитых девушек из всех, кого я знал. Слава Богу, дружим с ней до сих пор. Недавно ходили вместе в «Пушкинский» на третий «Ледниковый период: эра динозавров». Про то, как ходили с ней в «Релакс», надо будет рассказать в главе о «Релаксе»...

Некоторые из дам с Прозы, оказавшиеся мне ближе, чем друзья, в духовном и/или физическом планах, останутся здесь без упоминания имен по этическим соображениям.

Видеться время от времени с тем или иным автором «в живую» было дьявольски приятно. Читая на Прозе о встречах в Питере Шкирманов, Пашкевичей и прочих... авторов, я всякий раз завидовал, как Лимонов тандему Путин/Медведев. Идея собрать в реальности уже знакомых мне авторов родилась в голове сама собой. Первая встреча, которую я организовал среди пишущих на сайте, прошла двенадцатого мая 2007-го и была приурочена к приезду Нэлля. В своем дневнике на Прозе я прокомментировал это так:

«Тюмено-московский ответ Петербургу

Вчера состоялась внеплановая встреча авторов Прозы.ру в Москве. Со стороны московских гра... молодых талантов присутствовали: Валентина Поднебесная, Элвер Касс, Алексей Михеев, голос Алитты (по телефону). Делегация Тюме-

ни была представлена такими людьми, как Нэлль, Катя (его муза, которая сама не творит на сайте) и Ветер Воды.

Встреча прошла на высоком уровне, все остались довольны общением друг с другом. Для меня события начались со встречи с Нэллем и с распития пива «Tuborg» и «Guinness» у меня дома. Оттуда мы поехали на «Библиотеку им. Ленина», встретили Валентину, потрясающего человека и писателя (особенно, учитывая возраст). В музей Вернадского мы опоздали, как и в храм Василия Блаженного, пошли в «Макдоналдс» через Александровский сад (встретился интересный то ли бомж, то ли не совсем, знаток тяжелой музыки), в саду встретили Юлю «Ветер Воды». Из «Макдоналдса» поехали на Воробьевы горы, туда чуть позже подъехали Элвер и Катя.

Фотоотчет о проделанной работе ждите на странице автора Манагос, на которой пишут трое из вышеуказанных авторов».

Валентина Поднебесная (ex-«Мрачная») и Нэлль, которых я познакомил и которые всё еще дружат, пишут в сходной стилистике любовного (этого компонента больше у Нэлля) фэнтези (больше у Валентины). Писали, точнее. Сейчас они отошли от литературы – для них это не смысл жизни. А вот для меня – да, смысл и большая часть ее содержания. Порою мои знакомые не выдерживают груза многолетнего водительского труда за рулем аполлоновой «Нивы», предпочитая, так сказать, материальное «Шевроле», хотя талан-

ты среди них попадаются недюжинные. Но формула успеха не из одного таланта ведь состоит, иначе это было бы простое тождество. Разовую эту мысль. Недавно из ЖЖ Евгения «Отца» Алехина узнал фамилию более или менее молодого автора – Прилепин. Учитывая в некотором роде иронический контекст, решил сперва, что это стебное обозначение Пелевина. А вот и нет – зайдя в книжный, увидел обилие книг данного писателя. Начинал он, как я понял, с книги о Чечне, ибо сам он воевал и знал, как и о чем тут сказать. Эта книга (название – «Патологии»), которую я пока не прочел, оказалась единственной у писателя, которую я нашел в без-SMS-очном доступе к скачиванию. А что? Меня-то бесплатно читают. К слову, вопросу электронных носителей в контексте литературы я еще уделю место в этой главе. Полистав несколько работ Прилепина, я наткнулся на практически платоновские «Диалоги» – книгу в форме бесед с известными и пока не очень известными людьми, избравшими целью жизни писательский труд. Был там знакомый того же Жени Герман Садулаев, был и Сергей Лукьяненко (о нем в этой главе будет много сказано). Страницы, посвященные беседе с последним, я проглядел прямо в магазине. На вопрос о том, случайным или закономерным видит Сергей свой успех, последний ответил, сославшись на другого автора, разработавшего принцип «ТРОЯ»: «талант», «работа», «опыт», «ярость». Бывает достаточно пары его составляющих, но лишь все вместе они могут гарантировать хо-

тя бы какой-то успех.

Вторая встреча двадцать четвертого января 2008-го года слегка отличалась по составу и характеру проводившихся мероприятий. На ней присутствовали: я, Валентина Поднебесная, Нэлль, Элвер Касс, плюс ребята не с Прозы: Андрей и Гриша. Алитта пришла лишь на третью встречу авторов.

Сидя в «Макдоналдсе», мы решили (с моей подачи) написать какое-нибудь произведение. Осуществлялось это таким образом: один пишет на салфетке, загибает ее, другой продолжает, не читая написанного предыдущим. Текст был отредактирован мною, в этой версии публикуется и здесь. Я чуть изменил его, чтобы он приобрел более личностную окраску:

«Солнце зашло за круг мира – теперь можно было расслабиться. Главное – не увлечься и не перебрать с дозой мороза под кожей ищущих твоего присутствия в окне. Но неактуальность – дитя прошедшего времени – свое берет всегда. Свое взяла и сейчас, в то время как огненный меч, по волшебству возникший в руке N, не смог спасти ситуацию и растопить лед. Котенок так и не смог вылезти из-за кресла... Что ж, его проблемы. Мертвые твари не творят рассказы, и до них нет дела живым кумирам.

И вроде видишь свет, но вновь в конце тупик.

Всего один ответ всё мог бы объяснить...

Но кружка упала, разлив драгоценное пиво. Кружка упала... Кто смог бы сказать лучше?

Хомяк, конечно же! Животное подвело итог: меч — ничто, тексты — важны. Кто оспорит разумную тварь?.. Впрочем, гей-туса котят и хомяков какой-то не известной никому национальности, где-то в не обозначенных на карте местах, то есть в кафе «Шок-оладница»,

Решив отомстить за родителей честь,
Исполняли свой суд, позабыв, кто он есть.

Он, впрочем, никто. Он затерян в толпе нетрезвых орков, грузивших двадцать второго января лес на станции «Галич». Облака плывут в Абакан, он ужасно сейчас не пьян... На груди его символ — «инь-ян». Я не пьян и не буду уж пьян.

Раздался колокольный звон, сверкнула молния, кто-то закричал в соседней квартире... И всё было именно так плохо, как могло быть. Потому что, подвергнув деревню остракизму и продразверстке, Синий Шар Ар, лишив себя уже окончательно сублимативной традиции креокала, не придумал ничего лучше цитаты из Nell'я: «Shit happens sometimes... But why sometimes is always?..» Действительно, why? х.з....

Старик стирал из истории свои старые портянки. Он полоскал их в тазу и поласкал себя в области таза. Рядом громыхнуло. «Громыхнуло» — подумал младенец. Окно разбилось, и что-то влетело в комнату, крича команду «Подъ*б»!.. Молодой мужчина лишь вяло поморщился, скуксился.

Всё это вряд ли спасет его душу —
Зло так легко не прогонишь наружу!

Увидев же это безобразие, трушный хомяк впал в пафос-

ную депрессию».

Во время этих встреч никто ещё не мог похвастаться напечатанными произведениями, но позже свои публикации я сам дарил авторам и просто знакомым: Алитте, Даше Телегиной, Максиму Кубышкину, Лизе, Кийе Пигоспио, Сандре Лекс, Лене Цирнштайн и другим.

Некоторые авторы с Прозы при встрече точно так же дарили мне свои публикации: Максим Гуреев из Великого Новгорода, с ним мы бухали в «Кружке» в центре; Алекс Сергеев из Николаева (Украина) и Женя Алехин (я запутался и не могу сказать, в каком он сейчас городе учится или работает).

Женя подарил мне петербургскую «Неву» со своей блестящей «Третьей штаниной», когда пришел ко мне на день рождения в марте (или само празднование было в апреле?) 2008-го. Я тогда еще только ждал свою первую бумажную публикацию из Новокузнецка – несколько экземпляров журнала «Страна „Озарение“» с моим рассказом «Зэк в шоколаде и PLU». «Нева» не была подарком на день рождения в собственном смысле, потому что он также подарил мне, как писателю-фантасту, игрушечный бластер. Я был рад, в детстве от такого я бы пришел в настоящий восторг: полифонически «стреляет», светится от батареек. Мы много бухали в тот день. На видео навек запечатлено, как Евгений сидел в Сети за моим компом, когда я подошел со своей на то время недавно купленной «мыльницей» и обратился к «писате-

лю-атлету» так:

– Вот... Евгений, пару слов для истории... Войдите в историю!

Женя глотнул пива, подпер рукой щеку и с неподражаемым отсутствующим взглядом выдал:

– Сейчас мы находимся в таком моменте... Нам нельзя размножаться! Нам можно еб*ться, но нельзя размножаться!..

Пришедший также на мой д. р. Макс Кубышкин принес в подарок две пары боксерских перчаток, и при этом всего один шлем. Не обращая внимания на шлем, мы спарринговались с Максом, ограничив договоренностью область нанесения ударов до среднего уровня. О Макса я вывихнул палец, который потом месяц болел. Практически с одной рабочей рукой я дрался уже с Женьком, который был довольно пьян и, не думая о правилах, пару раз метился мне в голову. Я, соблюдая правила, лишь усилил натиск на среднем уровне, отчего он упал на стоявшую позади кровать брата. Однако в целом обмен прошел достойно: много отличных ударов с обеих сторон, хотя удары Жени были посильнее. Этим Женя меня порадовал, а сам я с семи лет занимаюсь. Вечером подключили электро-гитару брата и исполнили «АСКП» (мой кавер на «Tourniquet» Marilyn Manson) – брат на гитаре, я и Мизантроп (группа «Biorate») на вокале. Валек внезапно обнаружил пропажу одного из двух своих телефонов, важного для работы. Валя грешил было на Женькá, которого все

увидели «в живую» впервые, но я не верю, что на такое действие способен человек, столь откровенно и беспристрастно описывающий свою собственную жизнь в рассказах и романах. По пьяни Валек сам, небось, куда-то его засунул, или выронил где-нибудь. Валька Сопран окрестил за глаза «Мутным». Считается, что Сопран меток на прозвища. Впрочем, не мне судить, «мутен» ли мой друг в ряде аспектов, потому что иногда я и сам таков... На дне рождения была еще сокурсница периода, когда я учился в МГОПУ имени Шолохова, Татьяна Печеницына. О ней кое-что любопытное ждет вас всех в четвертой главе. Не пропустите!

Осенью 2008-го года состоялся очередной семинар молодых писателей в Липках. Я тоже подавал заявку на участие, но не прошел. Из-за этого не переживал совсем, поскольку, во-первых, всё равно работал, а во-вторых, считая, что мне там будет скучно, анкету заполнял «на отъ*бись». Некоторые из участников, кажется, наврали там про свои литературные регалии... Что ж, их право. Кое-кто из моих друзей (на тот момент) и знакомых выразили желание участвовать и прошли. Кто не прошел, тот звонил, выяснял, что его творчество тоже понравилось, и всё равно, так или иначе, проходил вместо прошедших, но передумавших ехать.

19 октября 2008-го года относительно рано утром я стоял на платформе Ярославского вокзала и встречал Серегу Павловского («LaZy»). И себе и ему я прочу большое литературное будущее, поэтому, ожидая поезд с минуты на мину-

ту, я осознавал историчность момента в полной мере, ведь я должен был впервые увидеть Лэя! А он – меня...

Вместе мы поехали на «ВДНХ», откуда собирались с Женей Алехиным пойти к нему – в общежитие ВГИКа. Оттуда до офиса организации, отправлявшей в Липки, было рукой подать. На «ВДНХ» зашли сначала в «Евросеть» купить Лэю московский «МТС». Когда по новой «симке» Серега названивал Отцу (еще в офисе «Евросети»), он увидел в окне двух чернокожих людей и радостно завопил, оборвав свою же фразу:

– Нигеры!!!

В Ухте молодой талант такого не видел.

Когда Женя спросил его в трубку, где мы сейчас находимся, а он переадресовал этот вопрос уже мне, то я молвил:

– В Нигерии.

Сереге шутка показалась смешной, может, всё еще от шока при виде негров...

Мы дошли по проспекту до улицы Б. Галушкина, на перекрестке чуть подождали Евгения. Последний купил продукты в магазине, в том числе безалкогольное пиво (другое ему нельзя), и мы все вместе пошли в общагу. Меня не предупредили, что с собой нужно иметь паспорт, а потому я прошел под оставленный в качестве залога Женин. Глянув придиристо на меня, пришедшего в полном обмундировании (косяка, балахон «Мановара», кожаные перчатки без пальцев), Отец изрек:

– Соседи все надо мной ох*еют – металлиста привел!
Я ответил:
– А мне по х*й!

Мы поднялись в обшарпанное жилище молодых дарований. Я и Серега познакомились с соседом Жени Стасом, также участником «Липок» и лауреатом так и не доставшегося мне «Дебюта». Он подарил мне два аудио-CD: «Soilwork» (про мой текущий и предыдущий «верк» будет рассказано в следующей главе) и «Mnemic». На полке также

стояла книга Марата Басырова с дарственной надписью Жене и его бывшей любви Сигите. На стене висела мишень для дартса, в которую Отец кидал дротики, повесив туда Сигитину фотку после разрыва с ней. Довершали картину по-ерофеевски тщательно записанные долги Жени (оплаченные были вычеркнуты) на стене; его же сценарий, страницами которого были заклеены окна; компьютер и электрогитара Стаса. Подбор книг был, на мой взгляд, достойный – классика, совсем немного НФ, современные титаны духа...

Стас и Женя сварили суп и угостили нас с Серегой.

Когда пришло время ехать в Липки, я прошел с парнями до здания, где вручали документы. Вскоре подошли Сжигатель Трупов с Яной Гробовски (занятное сочетание на слух...). Этих двоих и Серегу, идущих из автобуса, как и дающего интервью Садулаева, можно было увидеть по зомбоящику в передаче о «Липках».

Едва увидев Сжигателя, Женька сразу прыгнул на него с разбега и повис, что свидетельствовало о теплоте их отношений. Мы с Лейзи видели Сжигателя впервые, в том числе и поэтому просто поздоровались за руку. Все вместе сфотографировались (кроме делавшего снимок Женька). Я подождал, пока они рассядутся в автобус, и пошел домой, полный светлых чувств... Немного жаль теперь, что я не поехал тогда. Всё же жить неделю в окружении творчески настроенных личностей – это заманчиво.

Писательская деятельность... Мне хочется верить, что

в онлайн-ролевухе своей жизни я хорошо развил способность к ней. И если это хоть отчасти так, то отдельное спасибо тут нужно сказать не только самому себе, другим авторам Прозы.ру и моим лучшим в мире читателям, но и, совершенно точно, создателю сайта Дмитрию Кравчуку. Сама Проза.ру для меня – в первую очередь «бумага». Из-за этого какие бы то ни было претензии авторов сайта к ней не как к «бумаге» кажутся мне глупыми либо свидетельствующими об избалованности, что, по сути, одно и то же. Когда я вижу такое нытье на Прозе, я сразу живо представляю себе эмбелла, сидящего перед только что сохраненным вордовским файлом «Как я правел этад день» и ждущего сиюминутной славы. Ребята, вы чего?! Как будто Кравчук каждому лично пообещал перманентно первое место в рейтинге. Копошение из-за баллов, увы, слишком многих подобно спазмам голодных глистов в кишечнике и не вызывает лично у меня никакого сочувствия, максимум – желание дать по е-баллу. Впрочем, нельзя не оговориться, что сам-то я научился синтезировать баллы без клонов и даже без дополнительных публикаций или рецензий, тем более – без денег, но лишь в последние месяцы и пока не забанили.

Без Прозы.ру мне было бы хуже жить, она – часть моей жизни. В 2006-ом, пробыв на ней где-то полгода, я понял – главная ее часть. Тогда еще Проза не разрослась до текущих масштабов промышленной клон-базы, и всего, кажется, тысяч двадцать имевшихся авторов, значительная часть

которых – лишь имя с фамилией на пустом листе, воспринимались мною, как большая семья. Поэтому современный «стихиризм» (в плане имеющегося количества при наличии качества) лично мне видеть больно... Сейчас на «главной» на Прозе написано, что нас там семьдесят пять тысяч, то есть, думаю, около пары тысяч худо-бедно продолжающих творить, остальные – клоны или авторы одной-двух старых публикаций. Кстати, еду сейчас в метро, и поражаюсь, какие бывают злые толкучие люди и неприятные е*альники – аж башка болит и стилус опускается... Итак, в последнее время на сайте я пишу произведения и практически не пишу рецензий. А прошлый мой энтузиазм отражен, например, в лирике начального периода:

«Граф Оман»

Наш граф Оман имел коттедж,
С биде отличный туалет,
Крутую тачку цвета беж
И, без сомнения, и-нет.
С похмелья утром мозг несвеж,
И, скушав киевских котлет,
С любовью глядя свою плешь,
Граф влез в порыве в Интернет.
Не жаждой бизнеса томим,
Иль порно-сайтов поутру,
Но чем-то всё же вдохновим,
Он сделал выбор: «Проза.ру».
Он, выбрав ником «Мастер слова»,

С утра до вечера творил.
Стуча по «клаве» снова, снова,
Он где-то в облаках парил.
Жена, любовница и дети —
Их для него закрыл туман.
Его прочли и те, и эти.
Вердикт таков: «Ты – графоман!»
Вскричал хоть громко, но нечетко
(Видать, он всё еще был пьян),
Здрав свой графский подбородок:
«Да, граф я, но не графоман!!!»
Едва слегка поуспокоясь
И напечатав свой ответ,
Уж замков из песка не строя,
Уже поняв: это не бред,
Он получил рецешек кучу
От местных проз-авторитетов,
Лихих, смекалистых, могучих,
В душе – непризнанных поэтов.
Ему сказали: «Пишешь плохо.
Старайся лучше – и прокатит!» —
Так рассуждал Михеев Леха.
Айс рассказал ему о брате.
Скорее трансмутировать
Призвал его Стас Камень.
Йог – просто медитировать
И мыться в русской бане.
Испить канистру яда —
Совет от С. П. П.

А Игорь Рура предложил
Катамаран и канапе.
Чего-то молвил свысока
Клон некой Виолетты.
Жаль, непонятны Жиганца
Блатные диалекты...
Запутавшись, кто – клон,
Кто – он, она или оно,
И обессилив от компа,
Наш граф взглянул в окно.
Уже приблизился рассвет.
Пора чуть-чуть поспать.
– Ну, двинься, двинься,
Что ты, Свет?.. —
Свалился граф в кровать.

* * *

Я знаю, многих я забыл
(Хоть многих – справедливо),
Но, думаю, меня поймут,
Ведь всё равно красиво!
Ведь если тысяч тридцать пять
Всех клонов и не только
Я начал бы перечислять,
Была б головомойка!!!

(12.09.06)

Кое-кто из упоминаемых авторов и тогда-то был мало кому известен, кроме такого фаната Прозы.ру, каким на тот момент был я, а сейчас – и вовсе уплыл в Лету Интернета.

Параллельно с «Плюшками» я правлю рассказ подруги с Прозы.ру.ком, и поражаюсь, какие же есть хорошие девочки! Всё же не только индикатор метро есть на Земле... под землей.

Я бы хотел обратиться теперь к своему рассказу «Магазин Восьмерка». Начинается это произведение с эпиграфов:

«Вся жизнь конвейером широким

Прошла...

И высадила вдруг».

и

«„В начале было убогое Словосочетаньице „Монтер Восьмого Разряда“. Кроме него, ничего не было. И было Словосочетание Самим Монтером, как бы глупо это ни звучало и как бы безграмотен Он Сам ни был, чтобы понять, что такое „Словосочетание“. И построил Он Великий Магазин. Магазин Он назвал по собственному имени — „Восьмерка“. Он (теперь уже Магазин) представлял собой Монорельс... И породил Монтер Систему Потребителей...“ (цитируется по изданию: „Монтажная Библия в пересказе Нацвеля Пассажироводова“. „Сборка Конвейерная“: М-с, 2202, изд-ва „Монолит“ и „Бесконечность 8“»).

Оригинальная шутка «В начале было слово, и слово было убого, и слово было „Бог“» является интеллектуальной собственностью некой Елены Анатольевны Тимошенко, про роль которой в моей жизни стоит рассказать отдельно, что я

позже и сделаю.

А вот как я создавал сам рассказ:

17.03.07

Я шел по ВВЦ на конференцию по вопросам сетературы с участием Лукьяненко (был заявлен как участник, но прийти не смог), Максима Мошкова, Дмитрия Кравчука (после конференции я взял у него автограф) и других интересных людей. Мне на глаза попалась вывеска «Мед России», которую я по слабости глаз прочитал как «МВД России». Это подтолкнуло меня к созданию идеи «Жизнь как магазин», которая нашла отражение в будущем рассказе:

«<...> взгляд ловил всяческие соблазны наподобие Лавок „ДВД“, „МВД“, „Менты“, „Закон и Правосудие“, „Чиновники“, „Совкородка“, „Глобальная концепция жизни“, „Оружие“, „Глобальная концепция смерти“, „Патриотизм“ и многие сотни тысяч других, из всех слоев жизни, на самый привередливый вкус... От разнообразия рябило в глазах».

Концепция «Циклов» – движения по висящей в пустом пространстве восьмерке (перевернутой) – пришла позднее. Цикл жизни – период «от зарплаты до зарплаты» – показан с постмодернистской позиции – без хронологической привязки. Таким образом, пресловутые 360 Циклов – это тридцать лет жизни, приплюсованные к тридцати уже прожитым героем.

Главное, что я узнал на упомянутой конференции – это что многие люди из окололитературных кругов верят в то,

что бумажная литература перестанет существовать в будущем, уступив место электронным носителям, как mp3 пришел на смену CD, а до того диски заменили кассеты. С такой интересной конференции я ехал на монорельсе. Это позволило выстроить в голове сюжет в том виде, в каком он представлен в рассказе (на мой тогдашний взгляд, лучшем у меня). Тогда же рождается и «Deus ex machina» рассказа – прообразом его является Лужков:

«Монорельс подъезжал к лезвиям АСКП. По обочинам телеги не было видно ничего, кроме пустоты, и поэтому казалось, что Монорельс парит в воздухе. Внезапно вращение лопастей прекратилось... Моисей недоуменно выпрямил спину.

Из подъехавшего «бумера» вышел мужчина с большим круглым лицом и в черной кепке.

– Ты кто? – поинтересовался Моисей.

– Я – Монтер Восьмого Разряда Из Машины!

Легким профессиональным движением Монорельс был пущен в ход снова... Не боги горшки обжигают, но боги следят за тем, чтобы процесс Пассажиропотребления шел бесперебойно».

Купив у «Тимирязевской» баттл аргентинского вина, я поехал домой, а вечером уже сорвался заниматься сексом с поклонницей с Прозы.ру, которую до того «в живую» не видел, но с которой практиковал секс по мэйл-агенту. Дабы избежать излишней «лимоновщины», никаких имен называть

не стану. Для особо пытливых умов поделюсь своей радостью двух-с-половиной-годовой давности: минет и анал были. Это в пик некоторых другим, менее сговорчивым дамам с Прозы.

29.03.07

В голове родился финал произведения во всей его многозначительности. Финал долго не придумывался. Но когда я сидел на лавочке в Солнце, я представил, как заглядываю за экзистенциальный край этого Бытия, поднимаясь на цыпочки с поребрика мироздания.

Рассказ был уже дописан, но Проза отключилась, по-видимому, на профилактику. Лишь утром следующего дня я опубликовал эту вещь, где есть еще и такие слова:

«<...> в последний момент до сознания Моисея доходит тот факт, что кружение не приведет ни к чему. Сколько ему осталось? Циклов 360, в лучшем случае. А потом – что? Ничего. То-то и оно...

СХЕМА 1

Путь Монорельса

Моисей подошел к краю Платформы Монорельса. Почему-то на его памяти так никто не делал. Беседовавшие о чем-то Пассажирыпотребители мигом замолкли, как радио, вы-

дернутое из розетки.

Присев на корточки, Моисей заглянул за край... И тогда он увидел...

Крест и могила. Руки без движения и Первозданное Небытие. Смерть и рождение.

Новый круг, зародившись в теле старого, кричал о приходе в вечнодвижущийся мир».

Вероятно, какие-то интересные факты я сейчас упустил, но, может, ну их вообще, эти факты...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.